

ГЕОГРАФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 232–238

Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 232–238

<https://geo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2025-25-4-232-238>, EDN: BGQTOW

Научная статья

УДК 911.6

Демографическая динамика трансграничных регионов России и Казахстана: многоуровневый анализ

А. А. Соколов[✉], О. С. Руднева

Федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт степи УрО РАН, Россия, 460000, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11

Соколов Александр Андреевич, старший научный сотрудник, sokolovaa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>

Руднева Оксана Сергеевна, старший научный сотрудник, ksen1909@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>

Аннотация. Рассмотрены демографические процессы в трансграничных регионах (рос-сийско-казахстанском приграничье) России и Казахстана, которые, несмотря на свою стратегическую значимость, часто оказываются на периферии национальной политики. Методологической основой выступает предложенный трехуровневый подход (националь-ный, региональный, местный), позволяющий выявить как макродемографические тренды, так и внутрирегиональную дифференциацию. На основе анализа статистических данных за период 1989–2021 гг. установлено, что ключевыми вызовами для приграничья явля-ются естественная убыль населения, устойчивый миграционный отток и усиливающаяся пространственная поляризация. Выявлена значительная асимметрия демографического раз-вития: казахстанские регионы демонстрируют более глубокую депопуляцию, в то время как российское приграничье сохраняет относительную стабильность, оставаясь миграцион-но привлекательным. На местном уровне подтвержден общий центростремительный тренд – концентрация населения в региональных центрах и обезлюдение сельской периферии. Результаты исследования подчеркивают необходимость разработки скоординированной двусторонней политики, направленной на стимулирование экономического развития, улуч-шение качества жизни в приграничных регионах, а также поддержку узловых городов и агломераций, способных стать центрами демографического и экономического притяжения.
Ключевые слова: трансграничные регионы, демография, депопуляция, миграция, про-странственная поляризация, Россия, Казахстан, многоуровневый анализ

Благодарности. Исследование выполнено в рамках темы государственного задания АААА-А21-121011190016-1.

Для цитирования: Соколов А. А., Руднева О. С. Демографическая динамика трансгранич-ных регионов России и Казахстана: многоуровневый анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 232–238. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2025-25-4-232-238>, EDN: BGQTOW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

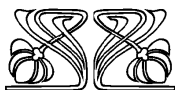
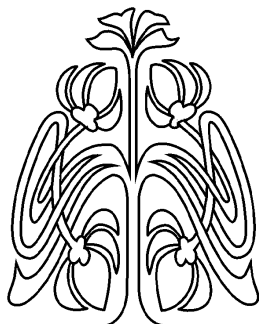
Article

**Demographic dynamics of the transborder regions of Russia and Kazakhstan:
A multilevel analysis**

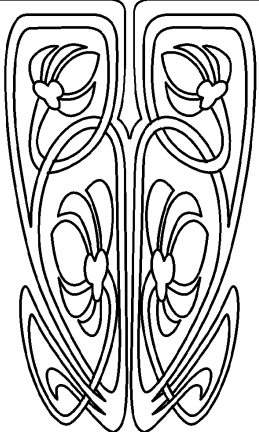
А. А. Sokolov[✉], О. С. Rudneva

Orenburg Federal Research Center, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 11 Pionerskaya St., Orenburg 460000, Russia

© Соколов А. А., Руднева О. С., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Alexander A. Sokolov, sokolovaa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>

Oxana S. Rudneva, ksen1909@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>

Abstract. The article examines demographic processes in the transboundary regions (the Russian-Kazakh border area) of Russia and Kazakhstan, which, despite their strategic importance, often remain on the periphery of national policy. The methodological framework is based on a proposed three-level approach (national, regional, local), enabling the identification of both macro-demographic trends and intraregional differentiation. The analysis of statistical data for the period 1989–2021 reveals that the key challenges for the borderlands include natural population decline, persistent migration outflow, and increasing spatial polarization. A significant asymmetry in demographic development has been identified: Kazakh regions exhibit more pronounced depopulation, while the Russian border areas maintain relative stability, retaining their migration attractiveness. At the local level, a general centripetal trend is confirmed – concentration of population in regional centers and depopulation of rural peripheries. The study's results underscore the need for developing a coordinated bilateral policy aimed at stimulating economic development, improving the quality of life in border regions, and supporting nodal cities and agglomerations capable of becoming centers of demographic and economic attraction.

Keywords: cross-border regions, demography, depopulation, migration, spatial polarization, Russia, Kazakhstan, multilevel analysis

Acknowledgments. The study was carried out as part of the government assignment theme (AAAA-A21-121011190016-1).

For citation: Sokolov A. A., Rudneva O. S. Demographic dynamics of the transborder regions of Russia and Kazakhstan: A multilevel analysis. *Izvestiya of Saratov University. Earth Sciences*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 232–238 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2025-25-4-232-238>, EDN: BGQTOW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современные трансграничные территории, традиционно воспринимаемые как периферийные и изолированные, объективно выдвигаются в фокус региональных и национальных процессов развития. Однако стратегическое планирование зачастую осуществляется без опоры на комплексную эмпирическую базу, что обусловлено фрагментарностью и национальной ограниченностью систем статистического наблюдения, игнорирующих трансграничные потоки и функциональные взаимосвязи.

Недостаточная изученность демографических процессов на локальном уровне, отсутствие единого методического подхода к анализу трансграничных территорий и слабый учет специфики конкретных регионов (таких как, например, Саратовская область, также входящая в зону исследования) затрудняют формирование адресных мер демографической и экономической политики. Восполнение этого пробела является важной научной и практической задачей.

В данной связи мониторинг и комплексный анализ таких территорий становятся необходимым условием для формирования обоснованной региональной политики. Целью настоящего исследования является многоуровневый анализ демографической динамики трансграничных регионов России и Казахстана для выявления ключевых тенденций, дисбалансов и вызовов устойчивому развитию.

Особое внимание в исследовании уделяется анализу внутрирегиональной дифференциации

демографических процессов в трансграничье России и Казахстана, что позволяет выявить не только общие тенденции, но и особенности развития отдельных территорий. Это представляется особенно важным для разработки адресных мер региональной политики, учитывающих уникальные социально-экономические и географические характеристики каждого приграничного региона.

Материал и методика исследований

Методология исследования строится на трехуровневом подходе [1–3].

Национальный уровень: сравнительный анализ основных демографических показателей (рождаемость, смертность, миграция) России и Казахстана в целом для выявления общих макродемографических тенденций и дисбалансов в развитии двух стран.

Региональный уровень: анализ приграничных субъектов Российской Федерации и областей Республики Казахстан для оценки межрегиональных различий демографической динамики.

Местный уровень: анализ на уровне муниципалитетов для идентификации процессов концентрации и депопуляции расселения, т. е. для оценки внутрирегиональной дифференциации.

В тесте статьи и при составлении рисунков использованы данные официальной статистики России (Росстат)¹ и Казахстана (Бюро национальной статистики)², а также материалы переписей населения 1989 и 2021 гг.³ Обработка данных

¹Муниципальная статистика // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 28.07.2025).

²Разделы статистики // Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан : [сайт]. URL: <https://taldau.stat.gov.kz/ru/Search/SearchByKeyWord> (дата обращения: 28.07.2025).

³Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года // Демоскоп Weekly [сайт]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6> (дата обращения: 28.07.2025); Итоги Национальной переписи населения 2021 года // Бюро Национальной

проводилась с применением методов сравнительного и картографического анализа.

Результаты и их обсуждение

1. Национальный уровень: макро-демографические дисбалансы в трансграничье

Комплексный анализ на национальном уровне выявил существенную асимметрию в демографическом потенциале приграничных территорий России и Казахстана. На российскую часть приграничья приходится 23.8 млн чел. (80.6% от общего населения зоны), на казахстанскую – 5.7 млн чел. (19.4%). Данный дисбаланс обусловлен историческими особенностями освоения территорий: российские регионы относятся к основной полосе расселения, тогда как казахстанские располагаются в зоне очагового расселения [4].

Динамика доли населения российско-казахстанского приграничья в общей численности стран свидетельствует о разнонаправленных тенденциях. В Казахстане этот показатель снизился с 39% (1989 г.) до 30% (2021 г.), что указывает на опережающую депопуляцию в приграничных областях. В России доля осталась стабильной (~16–17%), что синхронизировано с общероссийскими демографическими процессами.

Ключевым вызовом для всей трансграничной зоны является кризис естественного воспроизводства населения. За рассматриваемый период (1989–2021 гг.) в обоих государствах наблюдается резкое снижение рождаемости (в России с 14.4 до 9.7‰; в Казахстане с 21 до 18.8‰) и рост смертности (в России с 10.4 до 17.4‰; в Казахстане с 8.1 до 12.1‰), что привело к процессу естественной убыли. Позитивной тенденцией является значительное снижение младенческой смертности, однако ожидаемая продолжитель-

ность жизни остается очень низкой (69.2 в России и 69.5 в Казахстане).

Миграционные процессы усугубляют депопуляцию. В России миграционный прирост сменился убылью (с +0.9 до –0.4‰), а в Казахстане наблюдается резкий отток населения (с +6.3 до –7‰), что является одним из наиболее важных факторов, вызывающих озабоченность (таблица).

2. Региональный уровень: внутризональная дифференциация и контрасты

Анализ в региональном разрезе демонстрирует значительную неоднородность демографических процессов, что позволяет выделить несколько ключевых тенденций.

Динамика численности населения характеризуется ярко выраженной поляризацией. Рост населения зафиксирован лишь в 6 из 19 регионов, наибольший – в ресурсодобывающих областях Казахстана: Атырауской (+54%), Актыбинской (+27%), а также в Тюменской области России (+12%). Сокращение населения отмечается в 13 регионах, наиболее значительное – в аграрных Северо-Казахстанской (–36%), Курганской и Костанайской (по –26%) областях. Общим отражением депопуляции на российской стороне является Саратовская область, где за период 1989–2021 гг. численность населения сократилась более чем на 9%, а негативные демографические тенденции (естественная убыль, миграционный отток молодежи) носят устойчивый и структурный характер (рис. 1, 2) [5].

Миграционная привлекательность регионов асимметрична. Российское приграничье в целом остается более привлекательным [6]: в 5 регионах положительное миграционное сальдо частично компенсирует естественную убыль. Все казахстанские регионы, входящие в зону российско-казахстанского приграничья, имеют отри-

Динамика основных демографических показателей в трансграничье России и Казахстана

Показатель	Российское приграничье		Казахстанское приграничье	
	1989	2021	1989	2021
Численность населения, млн. чел.	25.7	23.8	6.3	5.7
Рождаемость, ‰	14.4	9.7	21	18.8
Смертность, ‰	10.4	17.4	8.1	12.1
Младенческая смертность, ‰	18.5	5	27.2	8.8
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	69.1	69.2	68.7	69.5
Миграция, ‰	0.9	–0.4	6.3	–7
Доля численности населения по обе стороны границы, %	80.6	80.4	19.4	19.6
Доля численности населения от общего населения своих стран, %	17	16	39	30

статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан : [сайт]. URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 28.07.2025); Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 1 : Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 28.07.2025).

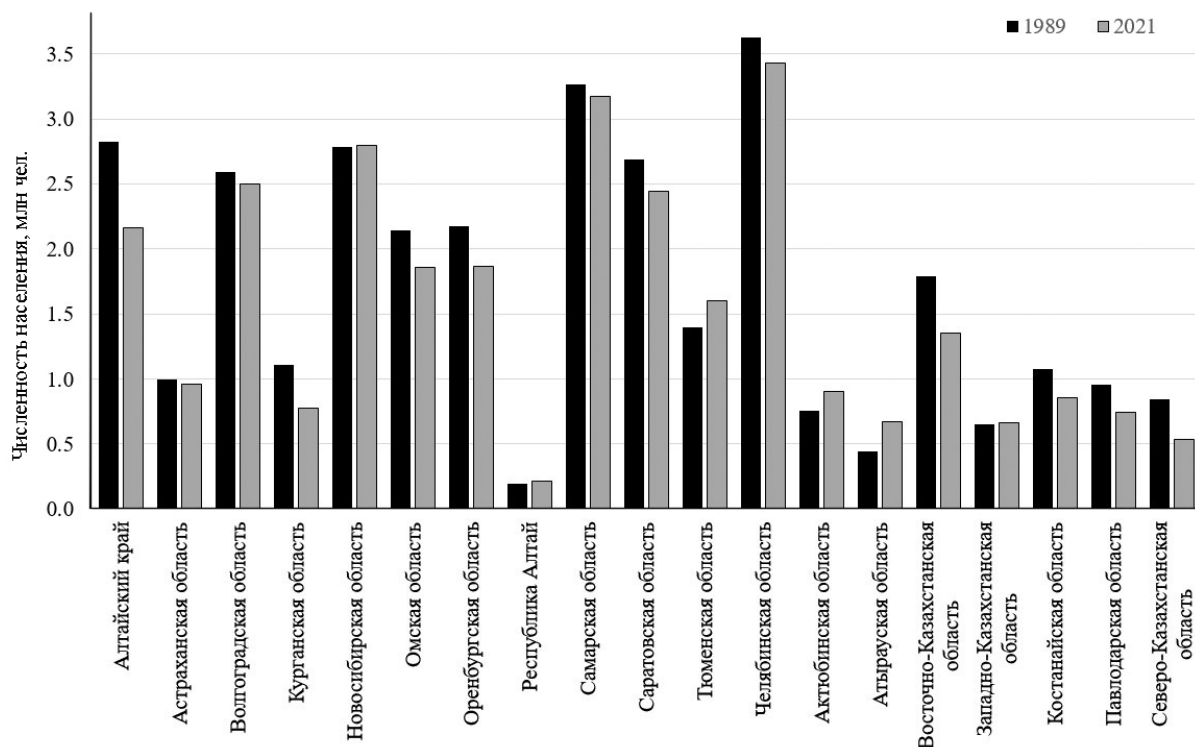

Рис. 1. Изменение численности населения в регионах трансграничья России и Казахстана

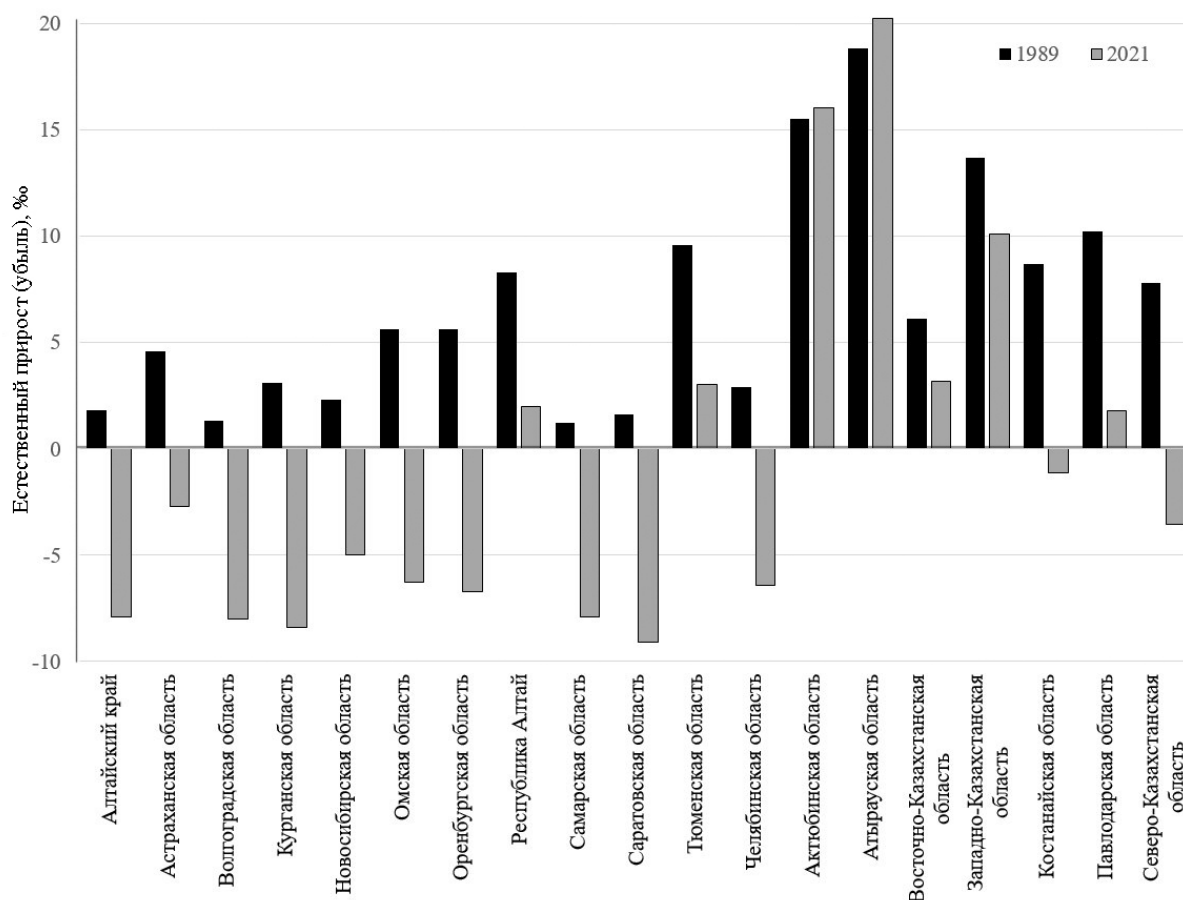

Рис. 2. Изменение показателя естественного прироста (убыли) населения в регионах трансграничья России и Казахстана

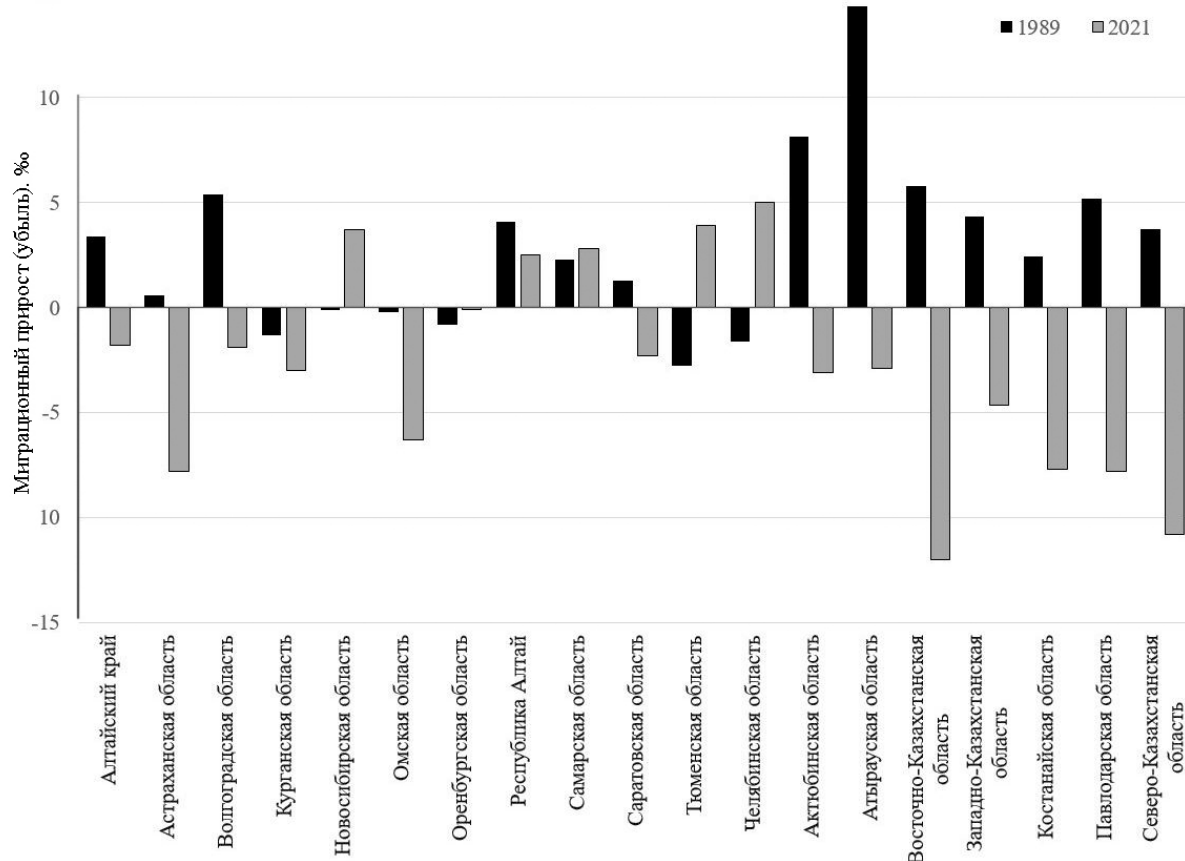

Рис. 3. Изменение показателя миграционного прироста (убыли) населения в регионах трансграничья России и Казахстана

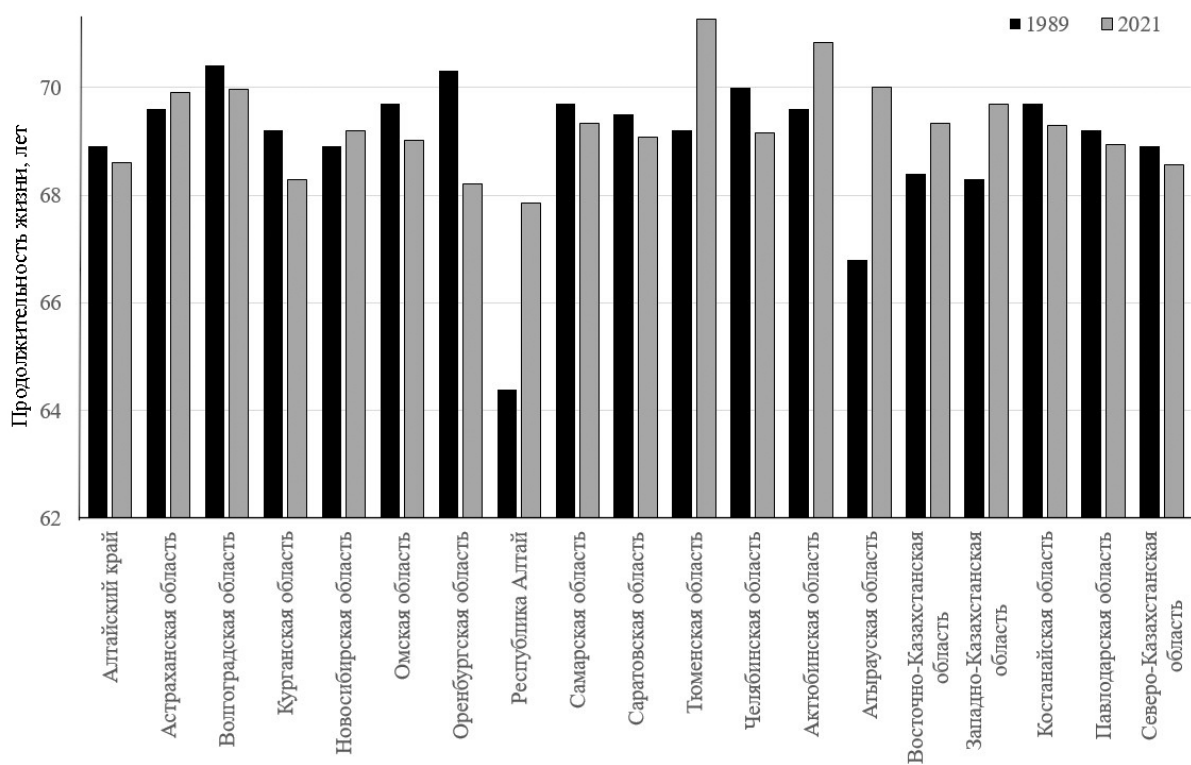

Рис. 4. Изменение ожидаемой продолжительности жизни населения в регионах трансграничья России и Казахстана

цательное миграционное сальдо, что усугубляет их демографические проблемы (рис. 3).

Ожидаемая продолжительность жизни также варьируется. Максимальные значения зафиксированы в Тюменской (71.3 лет) и Актыбинской (70.8 лет) областях, минимальные – в Республике Алтай (67.9 лет) и Северо-Казахстанской области (68.6 лет). Наиболее значительное падение показателя отмечено в Оренбургской области (–2.1 года), рост – в Республике Алтай (+3.5 года) (рис. 4).

3. Местный уровень: поляризация расселения

Анализ на уровне муниципальных образований на основе данных переписей 1989 и 2021 гг. позволил выделить шесть типологических групп по характеру демографических изменений и подтвердил преобладание общих центростремительных механизмов. Критерием типологии выступила интенсивность и направленность изменения численности населения за межпереписной период. Были выделены следующие группы (рис. 5):

- 1) муниципалитеты с интенсивным ростом (более 50% к уровню 1989 г.): как правило, административные центры субъектов/областей и прилегающие к ним территории (окрестности Тюмени, Актыбинска);
- 2) муниципалитеты с высоким ростом (25–50%): малые города с устойчивой экономикой, пригородные зоны крупных региональных центров;
- 3) муниципалитеты с умеренным ростом (0–25%): сельские районы в регионах с высокой рождаемостью (Атырауская область, Республика Алтай);
- 4) муниципалитеты с умеренной убылью (0–25%): большинство сельских районов;

5) муниципалитеты с сильной убылью (25–50%): депрессивные сельские и старые индустриальные районы;

6) муниципалитеты с катастрофической убылью (более 50%): глубокая периферия, удаленные сельские поселения (в основном в северном Казахстане).

Данная типология подтвердила преобладание общих центростремительных механизмов:

- поляризация расселения: интенсивное сокращение численности населения в периферийных сельских районах при одновременном росте малых городов и региональных центров;
- концентрация населения: формирование агломерационных эффектов – кумулятивного роста социально-экономического потенциала и притяжения населения за счет концентрации экономической активности, рабочих мест и инфраструктуры – вокруг региональных центров (например, Тюмень, Актыбинск, Атырау) и в их пригородных зонах.

Эта динамика свидетельствует о «сжатии» демографического пространства приграничья, усилении его периферийности по отношению к столичным и крупнейшим экономическим центрам (Москва, Санкт-Петербург, Астана, Алматы) и росте внутренней асимметрии между урбанизированными центрами и сельской местностью внутри самого приграничья.

Заключение

Проведенное исследование с применением сравнительно-географического анализа на трех уровнях выявило, что демографическая ситуация в трансграничных регионах России и Казах-

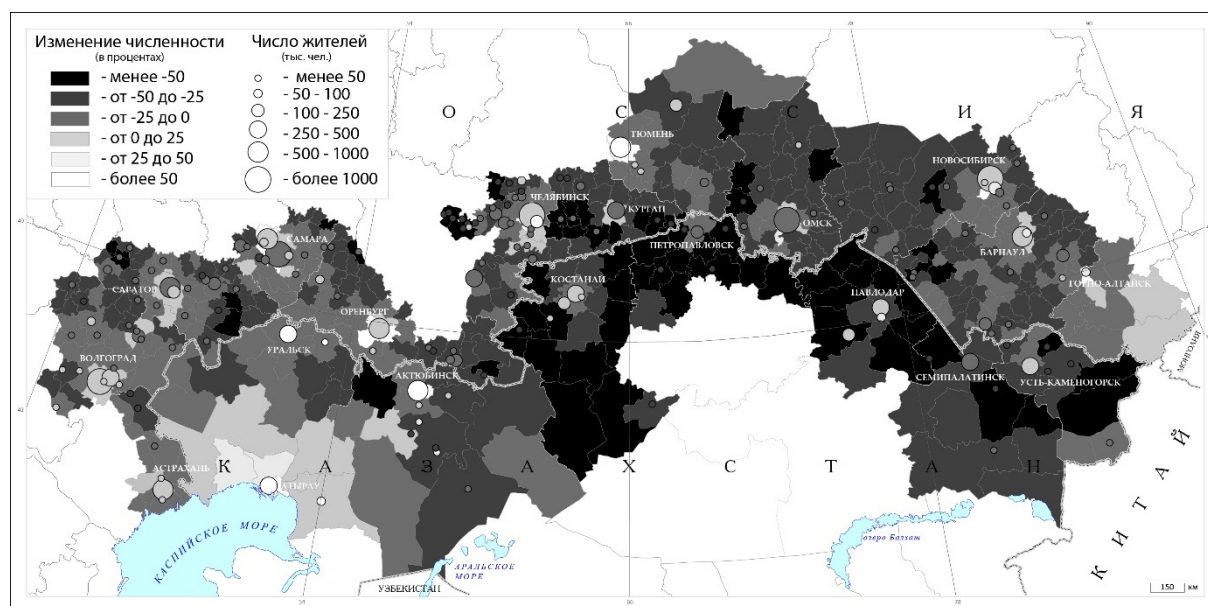

Рис. 5. Динамика населения в трансграничье России и Казахстана в период 1989–2021 гг.

стана характеризуется комплексом негативных тенденций: естественной убылью, старением, устойчивым миграционным оттоком и усиливающейся пространственной поляризацией.

Несмотря на общность макропроцессов, на региональном и локальном уровнях наблюдается заметная дифференциация. Ключевое различие заключается в том, что казахстанское приграничье испытывает более глубокую и системную депопуляцию, усугубляемую масштабным миграционным оттоком, часто в соседние регионы России. В России демографический кризис носит более сглаженный характер и частично компенсируется миграцией [7].

Локальный анализ подтвердил общий для России и Казахстана тренд «сжатия» заселенного пространства и концентрации населения в ключевых узлах (региональных центрах), что ведет к постепенному опустению и заброшенности обширных периферийных территорий.

Выявленная значительная асимметрия демографического развития, синхронность негативных трендов и интенсивные трансграничные миграционные потоки свидетельствуют о том, что традиционные национальные подходы к территориальному планированию, не учитывающие трансграничный контекст, неэффективны для данных регионов. В качестве мер региональной политики представляется необходимым:

- разработка и внедрение совместных российско-казахстанских программ мониторинга демографических и миграционных процессов, учитывающих трансграничные потоки;
- реализация скоординированных экономических и инфраструктурных проектов, направленных на стимулирование роста в депрессивных приграничных кластерах;
- разработка целевых программ по укреплению населения, особенно молодежи, в приграничных регионах, включая меры по улучшению качества жизни и развитию человеческого капитала.

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на общность вызовов, стоящих перед трансграничьем России и Казахстана, меры политики должны разрабатываться с учетом региональных специфических особенностей. Для казахстанских регионов приоритетом должно стать создание условий для закрепления населения и снижения миграционного оттока, в то время

как для российских регионов важнейшей задачей является смягчение последствий естественной убыли населения и поддержание миграционной привлекательности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном социологическом анализе мотивации принятия миграционных решений жителями приграничных регионов и детальном социально-экономическом анализе ключевых факторов регионального роста и депопуляции в трансграничном контексте.

Библиографический список

1. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М. : Наука, 1991. 132 с.
2. Сдыков М. Н. Казахстан и Россия в системе приграничных миграций. Россия-Казахстан: фронтьерские миграции / под научной редакцией Ж. А. Зайончковской и М. Н. Сдыкова. М. ; Уральск : Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 2002. 236 с. EDN: VUVMSh
3. Белозеров В. С., Чихичин В. В., Панин А. Н. Российско-казахстанское пограничье: теория и практика исследования социально-демографических процессов // Региональные исследования. 2012. № 3. С. 117–127. EDN: PFSBGJ
4. Соколов А. А., Руднева О. С. Российско-казахстанский трансграничный регион: динамика демографических процессов за 25 лет // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия : Биологические, технические науки и науки о Земле. 2017. № 1. С. 49–53. EDN: YRIESX
5. Уставщикова С. В. Демографическая ситуация в Саратовской области (2010–2021 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Науки о Земле. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 101–106. <https://doi.org/10.18500/1819-7663-2022-22-2-101-106>, EDN: ANUOKT
6. Карпенко М. С., Себенцов А. Б. Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67, № 3. С. 454–474. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.304>, EDN: ZAZGEO
7. Голунов С. В. Приграничное сотрудничество России и Казахстана: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 6. С. 84–91. EDN: KMLQPF

Поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 18.09.2025; опубликована 25.12.2025

The article was submitted 09.08.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 18.09.2025; published 25.12.2025